

УДК 81-2

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© А. Ю. Байдавлетов

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (927) 333 01 24.

Email: ainurbai02@mail.ru

В данной статье анализируются различные точки зрения на (генезис) природу имплицитности и импликации, актуализируется проблема отсутствия единого подхода к изучению феномена имплицитности. В результате проведенного анализа автор делает вывод о необходимости комплексного подхода к изучению данного вопроса, который бы учитывал стремительное развитие имплицитности в среде интернет-общения.

Ключевые слова: адресант, адресат, амбивалентность, имплицитность, импликация, микроконтекст, presupпозиция, подтекст, полисемичность, референтивность, реципиент, эксплицитный.

Имплицитность как языковое явление ранее других разделов языкознания начали изучать именно в грамматике. Например, такие лингвисты как: С. Д. Кацнельсон (1972), Е. И. Шендельс (1977), А. В. Бондарко (1978, 1984, 2006), Т. В. Булыгина (1980), А. А. Зализняк (1988), М. К. Тимофеева (1986), Г. В. Чернов (1986). В грамматике имплицитность изучалась с точки зрения имплицитной предикации как смысловая и немаркированная категория, как ограничения, которые накладываются на лингвистическую конструкцию в связи с невыраженностью ее грамматического аспекта.

Исследования, проведенные в области синтаксической семантики (например, в работах Н. Д. Арутюновой, В. В. Богданова, Л. В. Лисоченко, Ю. С. Мартыянова, Г. Г. Почепцова, И. П. Сусова), позволили выявить особые признаки, характеризующие имплицитность. Большинство ученых-языковедов убеждены в том, что:

1. «Резерв смысла» имеют именно элементы формальной организации предложения (неразвернутый план выражения). Об этом писали: С. Н. Цейтлин (1976), М. А. Кормилицына (1988), О. А. Михайлова (1997), Л. Г. Бабенко (1986), Е. В. Падучева (2002) и др.

2. Прагматический фактор (системный запас общих знаний читателя) представляет собой важнейший источник имплицитности, т.е. имплицитный смысл не всегда совпадает с семантикой отдельно взятого высказывания и расшифровывается (выявляется) только в процессе речевого общения. Например, Е. Н. Ширяев (1986), Г. Г. Почепцов (1981), Н. И. Формановская (1986), Т. В. Шмелева (1986), С. Н. Поспелова (1988).

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой прилагательное «**имплицитный**» имеет значение «(*франц.* *implicite* – подразумеваемый, скрыто содержащийся, от латинского *implicitum*) невыраженный, подразумеваемый; неразвернутый» [10].

Но все же лингвистов интересует обобщенное понятие имплицитности, о чем пишет в своих работах М. В. Никитин, описывая импликацию в каче-

стве «типа концептуальных связей, основанного на отображении в сознании реальных линейных связей, зависимостей; мыслительный аналог связей действительности» [15].

А. В. Бондарко в своих работах, касаясь проблемы имплицитности, особое внимание уделяет на содержательные компоненты: «не выраженные прямо определенными языковыми средствами, а вытекающие из эксплицитно выраженных семантических элементов, из их соотношения и взаимодействия» [5].

А. В. Старкова утверждает, что, имплицитность выражается только в высказывании и вовсе не содержится в области «морфем, слов, словосочетаний» [17].

В своих исследованиях С. С. Карцевский описывает имплицитность как некое проявление «асимметричного дуализма языкового знака, сущность которого заключается в том, что знак и значение не покрывают друг друга полностью».

Е. И. Шендельс обозначает имплицитность как «всеобщее объективное свойство языковой системы, которое открывается субъекту в речи в виде импликации» [17].

Необходимо иметь в виду, что в языкознании вместе с термином «имплицитность» встречается и термин «импликация». И по данной проблематике также нет единства мнений.

По мнению О. С. Ахмановой в обобщенном виде импликация понимается как подразумевание [4]. Имеется в виду, что подразумевание, намек выражает всю сущность импликации. Несмотря на некие различия в определениях импликации и имплицитности, именно эту точку зрения разделяют большинство исследователей.

Основываясь на устоявшемся понимании импликации, ученые языковеды постоянно расширяют и дополняют понятие «подразумеваемое» на материале различных аспектов языка.

Явление импликации, исходя из работ О. И. Москальской, основано «на ситуативных связях или же на взаимоотношении части и целого» [14].

В. А. Кухаренко в своих исследованиях предполагает, что основу импликации составляет «понимание дополнительного семантического или эмоционального содержания, не проявляющегося непосредственно из синтагматически реализуемых значений единиц текста» [13].

И. В. Арнольд обращает особое внимание на понятие текстовой импликации и дает ему такое определение: «дополнительный подразумеваемый смысл, который основан на синтагматических связях элементов антецедента» [2].

В трудах Е. Н. Стариковой имплицитность – это «формальная невыраженность элементов глубинной структуры высказывания» [16].

Согласно И. В. Арнольд, импликация характеризуется наличием таких специфических черт, как вариативность, рематичность, и ограничена рамками микроконтекста.

По мнению многих лингвистов, именно точка зрения И. В. Арнольд представляется наиболее точной, а именно, импликация должна рассматриваться обязательно в рамках высказывания (микроконтекста) [21].

По мнению многих исследователей, суть указанной проблемы в настоящее время сосредотачивается в отсутствии единого понятия и в употреблении ключевых понятий без дифференциации.

Заемствованные из логики определения и понятия импликации и имплицитности еще не нашли в языкознании свою идентичность, из-за чего описывались как грамматическая неполнота, скрытость, неразвернутость, отсутствие и даже подтекст.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что лингвокогнитивные категории «имплицитность» и «подтекст», а также их показательные возможности выражения в экспликации референтивной и познавательной деятельности с актами категоризации, являются привлекательным средством при исследовании и концептуализации языкового отображения окружающей действительности.

Итак, подтекст – это «сопутствующее содержание» текста. С помощью подтекста автор может изменить смысловое, вместе с тем и эмоционально-психологическое содержание всего текста, при этом текст даже может не увеличиваться в объеме.

По мнению многих лингвистов, подтекст является имплицитным наполнением содержания текста, т.е. создает эмоционально-психологическую глубину. Он может полностью или частично изменить семантическое содержание высказывания.

Но все же, А. В. Бондарко относит к разряду имплицитных «явно не выраженные семантические элементы, которые при этом легко распознаются с помощью эксплицитно выраженных языковых средств». Некоторые ученые считают, что «невыраженного смысла вовсе не может быть». Например, по Шендельсу «возможно неочевидное выражение семантики за счет содержательных импликаций».

Многие соглашаются с тем, что «имплицитность – это та информация, для получения которой требуются усилия реципиента, несводимые к сопоставлению языковых единиц и их значений, т.е. к «опознанию» единиц в тексте».

В основном причины появления имплицитности систематизируют следующим образом:

Во-первых, это только языковые причины. Например, русский язык изначально имеет очень большую степень имплицитности, как и многие языки мира. Это относится к лексической и синтаксической составляющим русского языка.

Во-вторых, разные фоновые знания и уровень владения русским языком у реципиентов, учитывая их социальный статус, распространенность билингвизма среди говорящих на русском языке, для которых русский язык может быть неродным, и ряд других причин. Если рассмотреть это в более широком значении, то это можно объяснить различиями в менталитете, то есть люди, говорящие на разных языках, являющиеся представителями разных социальных слоев и получившие разное образование, имеют различные картины членения мира, что может затрагивать не только содержание и смысл, но и образность. Например, русскому реципиенту тяжело понять сравнение у башкир близких людей, особенно детей, с внутренними органами, хотя оно имеет весьма глубокий смысл: говорящий подразумевает часть себя, самое дорогое.

Любая коммуникативная ситуация состоит из высказываний, выраженных как эксплицитно, значит явно, открыто, так и имплицитно, соответственно, скрыто.

Итак, прямой смысл высказывания интерпретируется из эксплицитно сформулированной мысли, которая может быть выражена с помощью лексических и грамматических средств высказывания, в то время как имплицитный смысл исходит, в некоторой степени, и из его эксплицитно выраженного наполнения, и из определенного отрезка сопутствующих фоновых знаний.

Смысл высказывания «читается между строк» текста, а точнее говоря, между высказываниями, из которых состоит текст; смысл высказывания – это связующее высказывания умозаключение, которое построено на основе причинно-следственных связей.

Только учитывая определенные условия коммуникативной ситуации в целом, коммуникации в частности, возможно понять смысл разных высказываний и, соответственно, всего текста. Важно отметить, что высказывания никогда не рассматриваются в отрыве от ситуации (высказывания – это фразы, встроенные в прагматический комплекс).

Высказывания, содержащиеся в своем составе имплицитные единицы, не могут считаться полными и являются сложными для восприятия, так как читатель обязан самостоятельно интерпретировать имплицитное содержание. Сделать это не всегда

легко и возможно, т.к. многое зависит от сопутствующих знаний реципиента.

Имплицитность всегда предполагает наличие завуалированного смысла и, соответственно, требует от адресата дополнительных усилий для выявления семантики.

Таким образом, исходя из проанализированного выше, можно сказать, что эксплицитно выраженная мысль формирует прямое содержание высказывания. Имплицитное, то есть не явное, содержание высказывания может быть интерпретировано адресатом из эксплицитно выраженной информации или с помощью его собственных фоновых знаний, а также с помощью общих с адресантом взглядов на картину мира.

Важно отметить, что использование имплицитной семантики автором носит сугубо индивидуальный характер, имея некоторые отличия по ситуативному кругу причин (мотивов): субъективных, общественных, конъюнктурных. Субъективные причины возникают вследствие следующего:

а) желания самореализоваться, отличаться от общей массы при помощи применения всех ресурсов языка, в т.ч. и использования неологизмов;

б) потребности в трансляции современными содержательными элементами личное, эмоционально-оценочное восприятие окружающей действительности.

Общественные мотивы базируются на референтивной идее адресанта направляюще воздействовать на адресата и достигнуть желаемого преобразования в его поступках или во внутреннем сознании (в действиях, мыслях, эмоциях), таким образом согласовать его связи с окружающим миром [19]. Общественные мотивы также обуславливаются стремлением адресанта «выразить запретные смыслы путем обхода цензуры, культуры» [16]. В основе ситуационных мотивов лежит необходимость снятия напряжения, сложившегося в процессе коммуникации.

В конкретной коммуникативной ситуации имплицитные смыслы по замыслу авторов являются даже гораздо более значительными, чем эксплицитные. Они амбивалентны, полисемичны и соотносятся как с положительными речевыми стратегиями (например, культура речи, приверженность принципам толерантности, смягчение конфликтной ситуации и т.п.), так и со стратегиями, нарушающими принцип толерантности, направленными на дискриминацию «позитивного образа» реципиента (насмешка, ирония, сарказм и даже стеб).

Для успешного декодирования и применения скрытых смыслов необходимо учитывать целый ряд правил.

Во-первых, важную роль в воплощении в жизнь скрытой семантики играет психологическая индивидуальность собеседников (сообразительность, интуиция, интеллект и т.д.). Характер взаимоотношений коммуникантов, и в т.ч. достижение

планируемого результата, обуславливается степенью знакомства собеседников, их близостью, возрастом, полом, настроением, физическим и психическим здоровьем, образованием и другими немаловажными параметрами.

Важно иметь в виду и социальные статусы участников коммуникативной ситуации. Многие исследователи различают три вида ролевых отношений коммуникантов:

1) статус-роль адресанта выше статуса адресата (преподаватель – студент, руководитель – подчиненный и т.д.);

2) статус адресанта ниже статуса адресата (сотрудник и вышестоящий руководитель);

3) адресант и адресат равноправны (коллеги одного уровня, одноклассники, студенты одной группы, лица с общими интересами и единым взглядом на окружающий мир и, соответственно, общим словарным запасом). Более естественными являются примеры, когда статусы адресанта и адресата равны, то есть они находятся на одном «языковом уровне». Можно сказать, разговаривают на «одном языке». Не зря же существует понятие «найти общий язык».

Немаловажное значение в расшифровке адресатом имплицитного содержания имеет когнитивная стадия активации ассоциативного уровня, связанного с понятиями когнитивного поля и пресуппозиции. Под когнитивным полем подразумевается определенная информационная база об истории, исторических лицах, а также знания накопленные в ходе изучения определенного языка, его законов и правил, лексический запас и др. То же самое, что и фоновые знания. Например, всем известно, что «без труда не вытащишь рыбку из пруда» или когда наступит тот день, «когда рак на горе свиснет». Пресуппозиционное знание может быть коммуникативным и референционным. Пресуппозиции связанные с передачей и восприятием информации (коммуникативные) – это важные сведения и гипотезы о ситуациях и положениях, главным образом целях, планах процесса коммуникации, в целом обеспечивающие целесообразность коммуникативного акта. Референционные пресуппозиции воспринимаются как знания, допущения о структуре объекта высказывания. Например, Н. Д. Арутюнова (1973), М. В. Никитин (1997), Е. И. Шендельс (1977).

В любой стране мира нередко само общество (устоявшиеся социальные нормы либо обычаи местного населения) ставит определенные запреты на какие-либо сведения, которые в независимости от этого содержатся в речи коммуникантов и составляют ее важную информативную часть, то есть семантика некоторых высказываний, в которых только лексические значения остаются эксплицитными, состоит из контекстуальной, ситуативной и энциклопедической информации. Из этого следует, что расшифровать и воспринять смысла сообщения

невозможно, если опираться только на выделенные значения его составных частей, так как другие компоненты смысла выражены скрытно и явно подразумеваются. Преимущество имплицитной информации заключается в том, что она реконструирует те смыслы, которые по причинам, связанным с нарушением установившихся в определенном социуме культурных и социальных норм или сугубо личностным, прагматическим, не могут быть выражены эксплицитно, но составляют важный, информационно-содержательный компонент межличностной коммуникации.

Стало быть, использование имплицитной информации – это иллюстрация того, что высказывание, состоящее из лексем, имеющих каждая свое значение, в своем смысловом содержании не может иметь только «сумму» этих значений, и может быть подвержено семиозису, носящему хаотичный характер, из чего следует, что искусство общения заключается в умение правильно воспринимать полученное сообщение.

Как видим, имплицитность воспринимается, некоторыми исследователями-лингвистами, как содержащий некую информацию компонент текста. «Имплицитный смысл, – отмечает Е. В. Ермакова, – это важнейший когнитивный компонент содержательно-семантической структуры текста, которая в свою очередь является информационной категорией текста» [9]. По определению О. А. Жариной, «категория имплицитности носит дуалистичный (интегрированный) характер: находится в сфере содержательной, семантической стороны текста, с одной стороны, и структурной, с другой» [11]. Вместе с тем, лингвист отмечает, что «одним из основных признаков текста является его способность иметь имплицитный потенциал» [11]. Исследуя имплицитность в структуре текста, некоторые лингвисты используют понятие имплицитной информации. Например, такие авторы, как Борисова, Мартемьянов (1999); Пирогова (2001); Ситдикова (2007); Анохина (2010). Имплицитный (скрытый) порядок распространения содержания любого текста, нужно отметить, является довольно неоднозначной операцией, потому что даже термин «имплицитная информация» звучит едва ли не как оксюморон: если информация, то она должна передаваться, если имплицитная – значит, не передается в явном виде единицами языка» [7]. Все же под имплицитной (скрытой) информацией в сообщении подразумевается «информация, не составляющая непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т.д.), зафиксированных в словаре, и, однако, воспринимаемая слушателем этого текста» [6]. Расшифровка и понимание такой информации осуществляется «на основе взаимодействия эксплицитных значений с условиями их реализации в тексте» [18]. Говоря о разновидностях наличия имплицитной информации в тексте, в своих работах Н. В. Анохина рекомендует подчеркнуть такие

составляющие, как пресуппозиционную и импликационную, «которые могут находиться между собой в состоянии равновесия или доминирования одной по отношению к другой в зависимости от типа текста и условий восприятия» [1]. Пресуппозиция должна включать в свой состав «знание языка сообщения, энциклопедические знания о мире, знание общей предметной области, освещаемой в тексте, а также узкой специальной области, предметной ситуации» [1], в то время как импликационный элемент показывает «новые» индивидуальные знания реципиента, сформировавшиеся на основе понимания содержания текста». Это также «вся невербализованная, но подразумеваемая автором при порождении текста информация, выводимая из его содержания» [1]. Для декодирования (расшифровки) и нормального восприятия скрытого содержания сообщения адресат оперирует «своими знаниями о мире и социальными стереотипами, представлениями о традициях речевого этикета или о речевых стратегиях и намерениях адресанта, сведениями о свойствах используемого языка или иных семиотических систем» [15]. Исходя из этого, нужно учитывать, что скрытое содержание функционирует в тексте как информационная составляющая. Будучи основой содержательной части текста, она позволяет структурировать весь текст, создавая невидимую взаимосвязь между его обособленными частями [24]. К тому же она стимулирует умственную и когнитивную деятельность реципиента, активизируя его запас знаний и практические навыки, содержащиеся в пресуппозиционном компоненте.

В ходе изучения функций скрытой информации необходимо иметь в виду ее прямую связь с принципом экономии средств языка. Например, Пауль (1960); Мартине (1963), т.к. «проблема имплицитности связана также с тем, что, несмотря на чрезвычайное богатство русского языка, всякий говорящий использует крайне ограниченные языковые ресурсы». Экономия средств языка опирается на сжатие информации, желании адресанта с помощью малого объема содержания представить наибольший объем информации в тексте. В частности, с точки зрения Л. О. Зиминой, «результатом действия языковой экономии является краткость («сжатость, немногословие»), предполагающая структурно-семантическую уплотненность текста, обладающего минимальной формальной структурой и максимальным (оптимальным) смысловым наполнением». Значит, принцип экономии средств языка образует необходимую основу для образования имплицитной информации и функционирует в качестве ее основы (первоисточника). «Явление так называемого «имплицитования», – отмечает Д. Шумская, – вызвано законом речевой экономии и сводится к устранению формальных/поверхностных показателей тех компонентов пропозициональной/семантической структуры высказыва-

ния, которые могут быть однозначно восстановлены адресатом при использовании компенсирующего фактора, то есть с учетом коммуникативной ситуации, контекста, общих знаний о мире» или, как принято говорить, фоновых знаний. Обращение к скрытой информации продиктовано некоторыми факторами: «стремлением говорящего экономно выразить мысль, либо этикетно оформить передаваемое речевое сообщение, необходимостью сокрыть часть передаваемых сведений от посторонних лиц, стремлением акцентировать внимание адресата на передаваемом ему сообщении и усилить ожидаемый перлокутивный эффект, желанием косвенным путем выразить отношение к партнеру по дискурсу, либо дать оценку обсуждаемым событиям, явлениям и фактам действительности, в силу индивидуальных причин и пр.». По причине того, что имплицитность как «одно из проявлений асимметрии отношений между безграничным числом фактов действительности и ограниченными средствами языка» основывается на уменьшении плана выражения, при расширении плана содержания сообщения есть возможность выделения таких ее антонимичных функций в тексте, как сжатие содержательной части на основании экономии средств языка и увеличение семантического плана содержания сообщения, что, естественно, указывает на огромный потенциал воздействия имплицитной информации на адресата и, соответственно, манипулирования им. Информация представленная в явно не выраженном виде более привлекательна и эффективна, потому что «не осознается адресатом, она действует в обход аналитических процедур обработки информации» [15] и усваивается при помощи расщепки эксплицитной информации, в связи с этим «действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения» [15]. Л. А. Нефедова выделяет несколько индивидуальных функций имплицитности, отличающих ее от иных языковых явлений: дифференциация коммуникативно-значимых элементов смысла, кодирование и эмоционально-оценочная функция. Нужно отметить нашу заинтересованность в эмоционально-оценочной функции имплицитности, связанной с семантическим наполнением сообщения, которая проявляется в следующих видах:

«а) Проявление субъективной оценки участников дискурса».

«б) Проявление эмоционального состояния говорящих, авторов». Вообще процесс выявления и интерпретации имплицитной информации в тексте, содержащей в своей структуре оценку, представляет базисную проекционную поверхность многих исследований. Здесь необходимо заметить, что «определяющим дифференциальным признаком имплицитной оценочной ситуации является отсутствие в высказываниях данного типа стандартных элементов оценочной структуры: оценивающего субъекта, оценочного предиката, объекта оценки и

основания оценки». При имплицитном выражении оценки оценочный иллокутивный акт совершается последовательно с помощью иного, формально не оценочного. Во многих источниках указывается, что имплицитная оценка в тексте может выражаться в разнообразных формах или через некоторые литературные средства.

Итак, одним из неповторимых свойств человеческого языка принято считать языковую имплицитность, феноменальное качество, позволяющее передавать явно не выраженную, завуалированную, скрытую информацию. Имплицитность в лингвистике рассматривается с точки зрения экономного способа выражения внеязыкового содержания, при котором в результате прочной ассоциативной связи элементов ситуации «достаточно лишь одного из элементов (например, одной лексемы) для того, чтобы представить всю описываемую ситуацию» опираясь лишь на фоновые знания или, если хотите, имея общее представление о картине мира. Таким образом, понятие лингвистической импликации и заключается в том, что по меньшей мере одна из скрытых, несказанных предикативных единиц не получает вербального оформления в поверхностной структуре высказывания или имеет опосредованное выражение через языковые метки. Данные метки или знаки оказывают особое влияние на раскрытие семантического содержания всего текста.

Рассматривая понятие имплицитности с отличающихся друг от друга позиций, лингвисты часто дают ему совершенно разные определения. Из-за этого единое определение импликации не имеет в лингвистике однозначного понимания, и, соответственно, в данном реферате рассмотрено несколько точек зрения по этому вопросу.

Но все же, по нашему мнению, отличным от других является утверждение Л. Е. Бирюковой про имплицитность в ключе речевой категории, имеющей всеобъемлющий характер, то есть информация любого сообщения не ограничивается лишь значением (семантикой) лексического наполнения данного сообщения, а имеет огромный объем дополнительной информации.

Между тем, имплицитность в конкретном значении является категорией языка и предметом изучения лингвистики. Соответственно, поэтому имплицитные смыслы рассматриваются в связи с изучением лексики, словообразования, грамматики. Таким образом, «имплицитность нужно считать универсальной категорией языка и соответственно речи. Этот феномен охватывает все языковые области от фонетики до стилистики и проявляется как на уровне слова, так и на уровне высказывания и текста» [8].

Важно отметить, что сегодняшний подход к изучению имплицитности в русском языке остается весьма актуальными, но все же недостаточно разработанным, так как разговорная речь (и особенно субязык Интернет-общения), как живой и слож-

ный организм, постоянно эволюционирует наряду с техническим прогрессом современности. Субъязык Интернет-общения как категория, сопряженная с функционированием имплицитной информации, как таковая предопределяет трудности восприятия, расшифровки и интерпретации смысла в разговорной речи. Это требует более подробного исследования внутренних механизмов актуализации имплицитного смысла, обуславливая необходимость выделения и анализа основных средств выражения имплицитности в целом в речи, в т.ч. и в плане межъязыкового сопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина Н. В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания (на мат-ле научно-популярного текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / научн. ред. П. Е. Бухаркин. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
3. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXXII. 1973. №1. С. 84–89.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 607.
5. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. С. 175.
6. Борисова Е. Г. Имплицитная информация в лексике // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999.
7. Борисова Е. Г., Мартемьянов Ю. С. Имплицитная информация в языке и речи // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 200.
8. Бирюкова Л. Е. Моделирование как механизм создания подтекста // StudiaLinguistica. Проблемы теории европейских языков. СПб.: Тригон, 2001.
9. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на мат-ле русскоязычной и англоязычной прозы психологич. и фантастич. реализма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.
10. Ефремова Т. Ф. Самый полный современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, Астрель, 2015.
11. Жарина О. А. Категория имплицитности как текстовая категория: когнитивный подход // Известия Южного федерального университета. Сер. Филол. науки. №3. Ростов н/Д.: изд-во ПИ ЮФУ, 2008.
12. Звезгинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976.
13. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Наука, 1988. С. 327.
14. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. С. 183.
15. Пирогова Ю. К. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.
16. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания, 1995.
17. Старикова Е. Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. Киев, 1976. С. 142.
18. Старкова А. В. Имплицитность как семантическое явление и ее функционирование в художественном тексте. М., 1983.
19. Трайковская Н. П. Извлечение имплицитной информации в рекламном тексте с точки зрения его тендерных особенностей. М., 2016.
20. Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1977.
21. Гарифуллина Р. В., Фаткуллина Ф. Г. Трудности профессиональной терминологии: словарь-справочник. Рекомендовано МО РБ Уфа, 2004. 218 с.
22. Фаткуллина Ф. Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дисс. ... д-р филол. наук. Уфа, 2002. С. 343.
23. Fatkullina F. G. Product placement as a type of advertising // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. 2013, Vol. 7, Part 1. ISSN 1313-2547. P. 119–125.
24. Sakaeva L., Yahin M., Bagautdinova G., Fatkullina F. & Kenzhetayeva G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kumyk, Revista QUID (Special Issue), P. 680–684. URL: <http://revistas.proeditio.com/iush/quid/article/view/1845/184>

Поступила в редакцию 20.09.2018 г.

IMPLICITNESS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY

© A. Yu. Baidavletov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (927) 333 01 24.**Email: ainurbai02@mail.ru*

This author of the article analyzes various points of view on the (Genesis) nature of implicitness and implication. The problem of the lack of a unified approach to the study of the phenomenon of implicitness is actualized. As a result of the analysis, the author concludes that there is a need for an integrated approach to the study of this issue, which would take into account rapid development of implicitness in the environment of Internet communication. The author notes that current approach to the study of implicitness in the Russian language remains relevant; however, it is insufficiently developed, considering the fact that colloquial speech and especially the sub-language of Internet communication, as a living and complex organism, is constantly evolving along with the technological progress of our time. The sub-language of Internet communication as a category associates with the functioning of implicit information and determines the difficulties of its perception, decoding, and interpretation of meaning in colloquial speech. Therefore, there is a need for more detailed study of the internal mechanisms of actualization of implicit meaning, including identification and analysis of main means of expression of implicitness in speech, as well as their cross-language comparison.

Keywords: addresser, addressee, implication, microcontext, presupposition, polysemy, recipient, explicit.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Anokhina N. V. Implitsitnost' kak komponent struktury sodержaniya teksta i sostavlyayushchaya protsessov ego ponimaniya (na mat-le nauchno-populyarnogo teksta): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2010.
2. Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow: Librokom, 2010.
3. Arutyunova N. D. Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. T. XXXII. 1973. No. 1. Pp. 84–89.
4. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 5 ed. Moscow: Librokom, 2010. Pp. 607.
5. Bondarko A. V. Grammaticheskoe znachenie i smysl [Grammatical meaning and sense]. Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 175.
6. Borisova E. G. Implitsitnost' v yazyke i rechi. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999.
7. Borisova E. G., Martem'yanov Yu. S. Implitsitnost' v yazyke i rechi. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. Pp. 200.
8. Biryukova L. E. StudiaLinguistica. Problemy teorii evropeiskikh yazykov. Saint Petersburg: Trigon, 2001.
9. Ermakova E. V. Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste (na mat-le russkoyazychnoi i angloyazychnoi prozy psikhologich. i fantastich. realizma): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2010.
10. Efremova T. F. Samyi polnyi sovremennyyi tolkovyyi slovar' russkogo yazyka [The most comprehensive modern dictionary of the Russian language]. Moscow: AST, Astrel', 2015.
11. Zharina O. A. Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Ser. Filol. nauki. No. 3. Rostov n/D.: izd-vo PI YuFU, 2008.
12. Zvegintsev V. A. Predlozhenie i ego otnoшение k yazyku i rechi [The sentence and its relation to language and speech]. Moscow: MGU, 1976.
13. Kukharenyko V. A. Interpretatsiya teksta [Text interpretation]. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 327.
14. Moskal'skaya O. I. Grammatika teksta [Grammar of text]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. Pp. 183.
15. Pirogova Yu. K. Problemy prikladnoi lingvistiki [Problems of applied linguistics]. Moscow, 2001.
16. Sannikov V. Z. Voprosy yazykoznanija, 1995.
17. Starikova E. N. Implitsitnaya predikativnost' v sovremennom angliiskom yazyke [Implicit predicativity in contemporary English]. Kiev, 1976. Pp. 142.
18. Starkova A. V. Implitsitnost' kak semanticheskoe yavlenie i ee funktsionirovanie v khudozhestvennom tekste [Implicitness as a semantic phenomenon and its functioning in literary text]. Moscow, 1983.
19. Traikovskaya N. P. Izvlechenie implitsitnoi informatsii v reklamnom tekste s tochki zreniya ego tendernykh osobennosti [Extraction of implicit information in the advertising text from the point of view of its tender features]. Moscow, 2016.
20. Shendel's E. I. sb. nauch. tr. MGPIIYa im. M. Toreza, 1977.
21. Garifullina R. V., Fatkullina F. G. Trudnosti professional'noi terminologii: slovar'-spravochnik [Difficulties of professional terminology: reference dictionary]. Rekomendovano MO RB Ufa, 2004.
22. Fatkullina F. G. Kategoriya destruktivnosti v sovremennom russkom yazyke: diss. ... d-r filol. nauk. Ufa, 2002. Pp. 343.
23. Fatkullina F. G. Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. 2013, Vol. 7, Part 1. Pp. 119–125.
24. Sakaeva L., Yahin M., Bagautdinova G., Fatkullina F. & Kenzhetayeva G. (2017) The history of studying of phraseological units in English, Russian and Kumyk, Revista QUID (Special Issue), Pp. 680–684.

Received 20.09.2018.